

Повестка дня для России: власть, политика, демократия

При демократии дураки имеют право
голосовать, при диктатуре — править.

Бертран Рассел

До сих пор невозможно однозначно ответить, случилась ли в России конца XX века *революция* или это была некая совокупность *реформ*. То, что произошло, столь же похоже и на революцию, и на реформы, сколь и не похоже на них. Полу-революция, полу-реформа, «полу-милорд, полу-купец...». Движение началось в силу того, что были разрушены существовавшие формы организации сознания (вначале) и жизни (затем), но при этом никакой классической — или даже достаточно определенной — формы это движение так и не получило до сих пор. Каждый шаг делался и делается из так и не понятого *откуда* в неизвестное *куда*, а потому это даже и «переходом» назвать нельзя. Сегодня сложилась ситуация, когда про демократию, рынок, элиту, свободу слова и т. д. в России мы вынуждены говорить перефразируя булгаковского Воланда: «Чего нихватишься — то ли оно есть, то ли его нет». *Реформы* *наизнанку* все глубже и глубже погружают страну в трясину отношений, в которой ее нормальная, органическая жизнь и развитие ставятся под вопрос. Вполне реальна угроза того, что российская государственность, в конце концов, разрушится в зазоре между глобальными структурами Нового мирового порядка и архаическими традиционалистскими формами кастовой, клановой и даже родоплеменной жизни. Пора, наконец, наводить порядок, то есть *ставить все на свои места*. В том числе — или даже прежде всего — в сфере политического мышления.

К понятию власти

По вопросу сущности власти имеются разные концепции¹, но ни в одной из них не подвергается сомнению, что власть — это особого рода отношение, связанное с социальным или индивидуальным взаимодействием. Анализ суще-

¹ См., например: *Технология власти* (философско-политический анализ). М.: ИФРАН, 1995; *Кравченко И. И.* Введение в исследование политики (философские аспекты). М.: ИФРАН, 1998; *Ледяев В., Ледяева О.* Многомерность политической власти: концептуальная дискуссия // *Логос*. 2003. № 4–5 (39).

ствующим концепций и практик власти показывает, что «связь» эта выражается в том, что власть выступает в качестве *рамки*, в границах которой разворачиваются те или иные действия, процессы, события (например, событие победы «волящей воли» над «сопротивлением»). Иными словами, власть — это не просто отношение (наряду с другими), власть — это *метаотношение*, отношение «поверх» и по поводу другого отношения, которое оказывается заключенным во властное отношение как в своеобразную «рамку». То есть отношение власти *держится* на другом, «предметном» (содержательном) отношении людей, *охватывает его, доопределяет и удерживает*². В любом виде власти всегда найдется такое предметное отношение, и наоборот: если между людьми (или иными субъектами) нет никаких невластных отношений, то нет и власти.

Конечно, не всякое отношение годится для власти, но только *позитивное* (не в смысле «хорошее», а в смысле, что каждая из сторон в той или иной степени «принимает» другую, «признает» ее). Канонический пример: отношения обладания или собственности, то есть господин и раб. Не власть делает одного человека господином, а другого рабом, но, напротив, отношение обладания, то есть превращение одного человека в собственность, «вещь» другого (быть может, даже добровольное), становится основой для господства. Для конституирования власти пригодны также отношения причастности или соучастия в каком-то целом (вождь и масса), товарно-денежные отношения («власть денег»), отношения и процесс обучения (учитель и ученики), семейные отношения (глава семьи и домочадцы), отношения оргуправления и процесс коллективного действия или деятельности (руководитель и исполнители) и т. д. Отсюда следует, что потребность во власти коренится в необходимости удержания (сохранения) определенной реальности позитивных отношений, то есть реализации их определенными людьми. Говоря более конкретно, власть заключается в распределении людей по местам структуры, реализующей определенное отношение, и удержании их в пределах этих мест на время, устанавливаемое самой инстанцией власти³. При этом не столь важно, какое место отводит себе сам властвующий, — принципиально то, что он способен в любой момент дисквалифицировать других и перераспределить места. Отличие власти от манипулирования и интриг состоит в том, что инстанция власти явлена (известна) по меньшей мере всем участникам базового процесса (отношения, структуры). От насилия власть отличается, вообще говоря, не характером средств воздействия, но тем, что за властью априори признается применение таких средств (каких именно — вопрос о культурно-исторической обусловленности практик власти)⁴.

² С этой точки зрения классическая дефиниция власти, данная Максом Вебером, а именно, что власть есть «возможность осуществления властной воли внутри определенного общественного отношения, возможность, которая реализуется вопреки сопротивлению и независимо от того, на чем она основана», — не вполне верна (что, впрочем, отмечал и сам Вебер).

³ Термин «инстанция» призван в данном случае подчеркнуть, что власть может быть и *бессубъектной*.

⁴ В связи с этим следует заметить, что выражение «легитимное насилие» — некорректно, потому что слово «насилие» уже указывает на нелегитимный характер принуждения. Корректно употреблять обороты «легитимное принуждение», имея в виду власть, и «нелегитимное принуждение», то есть насилие.

Отсутствие инстанции, способной квалифицировать (дисквалифицировать) «человеческий материал», распределять (перераспределять) его по «местам» и удерживать в пределах этих мест (предписанной идентичности или «должностных обязанностей» в самом широком смысле слова), означает *дефицит власти*. В такой ситуации каждая из сторон предметного отношения претендует быть инстанцией власти (по меньшей мере, претендует свободно распоряжаться собой) и готова за это бороться. Разумеется, не до такой степени, чтобы разрушить исходное предметное отношение, поскольку разрушение этого отношения делает бессмысленным сам вопрос о власти и политике, эвентуально выдвигая на повестку дня разрыв всех отношений, насилие и войну.

Двуликий Янус политики

Политика – это механизм, компенсирующий дефицит власти.

В том случае, когда дефицит власти всеми сторонами предметного отношения признается неустранимым (или даже желательным), то есть признан (правовой) нормой, политика — это *способ разрешения* всех тех вопросов, которые должна была бы решать власть, будь она «полной», то есть относительно «всемогущей».

Если существует, хотя бы в принципе, легитимная возможность добиться полноты власти, подчинить себе соперничающих или уклоняющихся субъектов, политика — это *борьба за власть*, при которой оппоненты оказываются «врагами», а теоретики впадают в то понимание политического (*das Politische*), которое сформулировал Карл Шмитт.

Сосредотачиваясь на исследовании политической политики необходимо определить, что такое *политическая власть*, то есть метаотношением к чему, к какому предметному отношению или процессу, она выступает.

Классический ответ, данный еще Платоном и Аристотелем, гласит, что такой предметной основой и целью политической власти являются процессы общественной (государственной) жизни. Принципиальный тезис, что политика есть механизм компенсации дефицита власти, разумеется, верен и здесь. Рассмотрим этот момент на примере истории постренессансной политической рефлексии, начатой Макиавелли.

Главная задача трактата Макиавелли «Государь» заключается в ответе на вопрос, *как должен поступать государь (суверен), чтобы удерживать власть* (при разных вариантах ее обретения). Естественно, сама постановка вопроса уже предполагает, что власть государя всегда или время от времени находится под угрозой или, что суть то же, что государь никогда не обладает такой полнотой власти, которая позволяла бы ему не заботиться о сохранении этой власти в своих руках. Кстати сказать, только в этом случае и может возникнуть спрос на некое «искусство править», оправдывающий предложение соответствующих интеллектуальных услуг. Макиавелли, таким образом, обсуждает, как государю следует править, чтобы сохранить свою власть⁵. Напротив, мощная анти-

⁵ Собственно, советы такого рода давал уже Аристотель в «Политике». Например: «Так как государство состоит из двух частей — немущих и состоятельных, то тиран должен внушить и тем

макиавеллевская традиция, к которой привлекает наше внимание М. Фуко⁶, занята противоположным вопросом: *как следует распоряжаться своей властью, чтобы править правильно*. Именно при такой постановке вопроса естественным образом вводится представление о множественности практик «правления» — то есть *управления*, — о типологии (управление самим собой, семьей, государством), делаются попытки утвердить один тип правления в качестве образца и т. п. Здесь же возникает вопрос, что это значит — править *правильно*? У Макиавелли такого вопроса нет и он в принципе не может возникнуть внутри его дискурса, потому что ответ задан априори: «правильно» — значит так, чтобы уверенно сохранять свою власть. То есть властвование (если под ним понимать, в духе Макиавелли, сохранение власти) имеет цель в себе самом, а управление — вне себя, в «общем благе и благоденствии каждого», в «общественной пользе» и т. д. Нетрудно заметить, что трактат Макиавелли и трактаты «об управлении» — если вместе с Фуко не ставить их в одну линию — на самом деле не противоположны друг другу, но взаимно дополнительные, постольку поскольку управление предполагает власть, а власть используется для управления и обретает в нем свою легитимность.⁷ В этом ракурсе четко видно не только различие властвования (господства) и управления, но и различие *политики* (которой, собственно, и посвящен трактат Макиавелли) и *оргунизации*.

Сущность понятия политики особенно четко видна в случае *демократии*. Собственно говоря, демократия настолько неотделима от политики, что в пору давать ей (демократии) дефиницию, отправляясь от понятия политики⁸. Демократия основана на общем признании принципиальной неустрашимости дефицита власти или, что эквивалентно, на возведении в конститутивный правовой принцип невозможности какому угодно индивиду, группе, сословию и т. п. обладать полнотой власти над всей общественной жизнью (короче говоря, никто не имеет права господствовать). И поскольку никто не обладает полнотой власти, то есть способностью легитимно («по праву») принудить всех других к исполнению своей воли, и не может на нее (полноту) претендовать, — всем субъектам, то есть тем лицам и группам, которые самоопределяются в качестве *субъектов*, необходимо «договариваться» друг с другом. Демократия становится реально возможной в той мере, в какой в этой ситуации необходимым источником и материалом субъективации выступает *народ*.

и другим, что их благополучие опирается на его власть, и стараться, чтобы одни ни в чем не терпели обиды от других. <...> Цель всех этих мероприятий ясна: тиран в глазах своих подданных должен быть не тираном, но домоправителем и царем, не грабителем, а опекуном; тиран должен вести скромный образ жизни, не позволять себе излишеств, знатных привлекать на свою сторону своим обхождением, а большинством руководить при помощи демагогических приемов» (*Политика 1315a*).

⁶ Фуко М. Правительственность (идея государственного интереса и ее генезис) // Логос. 2003. № 4–5.

⁷ В этом смысле Пуфендорф, которого цитирует Фуко, выражается предельно ясно: «Суверенной властью их [суверенов] можно наделять лишь с тем, чтобы они использовали ее для обеспечения общественной пользы».

⁸ Это проявляется даже в этимологии слова «демократия». У греков власть обозначалась двумя словами: «кратос» и «архэ». И если «архэ» делает акцент на «начале» (первоначальности), то в слове «кратос» акцент делается на силу, позволяющую побеждать в борьбе, одерживать верх над другими и т. п.

Понятно, что необходимым условием демократии служит *публичная* политика, притом, что, конечно, не всякая публичная политика демократична (не говоря уже о том, что не всякая политика — публичная).

Основой публичной политики служит коммуникация. Просто потому, что нет — онтологически нет — другого механизма, который позволял бы разделяться, выступать в оппозицию друг другу, и, одновременно, объединяться. Противопоставляться — как оппоненты, и объединяться — как участники одной дискуссии, одной игры, исключаящей физическое или административное устранение соперников. Однако между публичной коммуникацией и политикой есть различие. В публичной коммуникации, вообще говоря, может участвовать кто угодно: митинговые массы, самые разные общественные объединения, отдельные личности. Но как только встает вопрос о субъективации власти, о принятии управленческих решений, о том, кому возглавить аппарат управления государством, — без консолидации и публичного оформления дело не обходится. Это даже не вопрос желания — стоит только появиться какой-то одной организованной группе, как для других организационное оформление становится необходимостью, вступает в действие своего рода инстинкт политического самосохранения. Схема предельно незатейлива, но не допускает исключений: когда дело доходит до «взятия власти», или хотя бы получения привилегированного места в ее отправлении, встает вопрос о «силе», а поскольку при равном избирательном праве как единственной критерии «сила» прямо пропорциональна числу голосов, те, кто консолидируется, то есть агрегирует свои голоса, получают преимущество. Отсюда — другая характерная для демократии черта: многопартийность.

Политика при (нормальной) демократии — это публичный механизм управления общественными делами на основе консенсуса или компромисса, а не способ борьбы за полноту власти.

«Как бы то ни было, — писал Аристотель, — демократический строй представляет большую безопасность и реже влечет за собой внутренние распри, нежели строй олигархический. В олигархии таятся зародыши двоякого рода неурядиц: раздоры друг с другом и с народом; в демократиях же — только с олигархией; сам против себя народ — и это следует подчеркнуть — бунтовать не станет» (*Политика* 1302a).

Конечно, политика в любом случае содержит элемент «полемоса», но при демократии это — публичная состязательная полемика за право участвовать в управлении, то есть участвовать во власти вместе с другими (согласно праву), а не за то, чтобы ее узурпировать. Если же политика превращается в борьбу за узурпацию власти, то с демократией что-то не ладно. По меньшей мере, люди (партии), ставящие себе такую цель, — явно не демократы.

За пятнадцать лет в России сложилась нечто вроде традиции *негативной демократии* — демократии, которая не способствует управлению, но, наоборот, блокирует его. Демократизация с самого начала была поставлена на службу борьбы за власть: Б. Ельцина и «демократов» — с М. Горбачевым и КПСС, национальных (в первую очередь прибалтийских) республик — с СССР; потом коммунистической оппозиции — с Ельциным, российских регионов — с Центром («суверенизация»), населения — с «антинародным» режимом («протестное голосование»), игнорирование выборов, предпочтение одиозных кандидатов

и т. п.). С этой точки зрения переворот, осуществленный командой Б. Н. Ельцина в 1993-м году, был не только антиконституционным, но и антидемократическим. Собственно, таковой была почти вся деятельность Бориса Ельцина, причем в буквальном смысле, потому что начиная с 1990 года он упразднил ряд демократических механизмов: народный контроль, Советы трудовых коллективов, право законодательной инициативы для общественных организаций, институт общественной экспертизы и т. д.

Очевидно, что борьба за полноту (узурпацию) власти не может вестись в рамках демократической системы права, основанной на том, что никакая инстанция не должна такой полнотой обладать. Следовательно, выход за пределы права и, тем самым, его подрыв предрешен. Нетрудно предвидеть также, что борьба за узурпацию власти в сочетании с беспределом либерализации приведет к разрастанию зон анархии. Схема понятия власти, однако, предсказывает более сложную картину, чем просто монотонный рост анархии и хаоса. Действительно, растущий дефицит власти в условиях упадка права дает реальный шанс достичь успеха в борьбе за управление (тем, чем еще можно управлять хотя бы в смысле распределения) новым субъектам, в том числе и таким, которых раньше на пушечный выстрел не подпустили бы к «рычагам». Разумеется, эти субъекты предъявляют некие «права» на власть, но эти права, говоря словами Аристотеля, «не безусловные», поскольку не дают основания (и доверия) править в интересах целого (государства как такового), но только некоторой части. Появление в таких условиях олигархии и тотальной коррупции предрешено.

Нет нужды выдумывать для российской ситуации новые дефиниции *олигархии* — классическое определение Аристотеля вполне пригодно в данном случае. Достаточно вспомнить, что Аристотель в качестве самой характерной черты олигархии указывал *правление в интересах богатых*. При этом неважно, занимают ли государственные должности сами богатые (не в смысле среднего класса, разумеется), их ставленники или «добровольные помощники», — важно, в чьих интересах осуществляется правление.

В соответствие с разделением федерального и регионального уровней государственного устройства и олигархия существует как федеральная и региональная; в случае национальных административных субъектов региональная олигархия становится *этнической олигархией*. Все это лежит в рамках логического расширения аристотелевской теории. Правда, Аристотель не предусмотрел в своей трактовке олигархии, что она может быть *компрадорской*. Впрочем, скорее всего Аристотель просто не признал бы такую олигархию за *государственный строй*.

Таким образом, режим, сформировавшийся в России к концу XX в. следует квалифицировать как *олигархически-демократический*, с компрадорской олигархией и негативной демократией в качестве своих компонент. Причем демократия — публичная, действующая путем выборов органов власти, а олигархия — «тайная» или келейная, реализующая свои интересы путем коррупции, подкупа должностных лиц этих же органов. До известной степени негативность демократии воспроизводится в качестве реакция на антинародное поведение олигархии и коррумпированной бюрократии, а компрадорские настроения и бегство олигархического капитала из страны поддерживаются практикой негативной демократии.

Партии и государство

Многопартийность служит одной из наиболее характерных черт современной демократии. При всех недостатках партийной системы и даже «кризисе партий» в развитых странах

«... никто пока не придумал практической альтернативы партиям как механизм, заставляющим демократию работать»⁹.

Существует реальная опасность впасть в чисто «представительскую» трактовку института партии и затем — в зависимости от того, признаем ли мы постмодернистский «кризис представительства» или, напротив, полагаем, что «репрезентативность берет верх над общими ценностями»¹⁰ — делать отсюда выводы о судьбе данного института и демократии вообще. В этой проблемной ситуации полезно вспомнить об истоках; в частности, о том, что главной целью афинской демократии ставилось совмещение блага города с благом каждого гражданина, причем опираясь на то, как сам гражданин понимает и свое благо, и благо города. Уже Платон и Аристотель сознавали, насколько это проблематично; с тех пор ситуация скорее усложнилась, чем упростилась. В самом деле, *личные интересы* людей все так же локальны и эгоистичны, как и 2500 лет назад, а масштаб государства вырос настолько, что государственные интересы скрылись за индивидуальным горизонтом, тем более, если смотреть на них с высот геополитических или в исторической перспективе. Но не для того ли и нужны *партии*, чтобы оформлять (формировать) жизненные интересы людей — в политические? То есть партии — не «звено связи» между «народом» и «властью», как полагают некоторые, партии — это медиаторы между личными интересами людей и интересами государства в целом, возникающие в силу тех или иных сходств и различий между интересами (нуждами, стремлениями, идеалами и т. п.). Этот довольно абстрактный (и старый по сути) тезис верен для любого механизма образования партий, будь он парламентский, электоральный или «внешний»¹¹, разница только «в начальной точке» (что не столь важно, поскольку в условиях всеобщего избирательного права партстроительство представляет собой круговое движение). Действительно важно понять, в чем основание возможности в государстве (много)партийной системы. При ответе на этот вопрос не обойтись без определения сущности государства. Мы не будем здесь, по понятным причинам, входить в обсуждение истории и теории (теорий) государства — ограничимся идеей.

Государства исходно, по условиям своего появления в истории и понятию, суть социальный институт *больших проектов* — проектов «для всех вместе», которые не под силу реализовать иным образом (семейно, например). Безопасность, справедливость, дороги, ирригационная система и т. д. — *для всех, отныне и во веки веков*. В этом вроде бы, как показывает история, и заключается принцип образования государства как института. «Для всех» в данном случае

⁹ Меркл П. Г. Каковы сегодняшние демократии? // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. — С. 143.

¹⁰ Шимов Я. Пир побежденных. Современная демократия как путь к катастрофе // Логос. 2003. № 4–5.

¹¹ См. Дюверже М. Политические партии. М., 2002.

означает не для всех в смысле каждого индивида, но для каждого в той мере, в какой он живет совместной с другими, общественной жизнью. Понятно, что это не «уравниловка» (дифференциация допустима и всегда была, вопрос в том, чтобы она служила интересам *всех*) — это принцип целостности. Целостности, без которой нет суверенитета, без которой вообще нет власти как таковой.¹²

Говоря о том, что государство — это институт «больших проектов», следует учитывать, что само оно не есть результат или естественное следствие такого рода проектов. Вообще говоря, в каждом отдельном случае было бы достаточно того или иного *союза*. Аристотель, указывая на различие между государством и военным, торговым, этническим и эпигамным союзами, подчеркивал, что государство создается

«... ради достижения совершенного самодовлеющего существования, которое... состоит в счастливой и прекрасной жизни» (*Политика 1281a*).

Впрочем, совсем не обязательно вместе с Аристотелем верить в способность государства обеспечить всем «счастливую и прекрасную жизнь». Достаточно заметить следующее. Во-первых, «проекты» могут быть не только большими, но и долговременными или даже постоянными (защита от внешних врагов, например), в их результате создаются структуры и инфраструктуры, которые затем нужно поддерживать и обновлять. Во-вторых, может потребоваться столь же постоянная координация этих «проектов» (выполнение которых превращается в *функции* государства). И, наконец, возникшее единство вполне может показать себя удобным для реализации других, новых или сугубо локальных «проектов». Короче говоря, собственно государство конституируется под «бесконечную», то есть *самовоспроизводящуюся программу*, как бы гарантируя тем самым бесконечную («до скончания времен») жизнь государственно оформленному обществу. Реализация такой самовоспроизводящейся «программы» — это и есть тот самый предметный процесс, вокруг которого выстраивается рамка (метаотношение) *государственной власти*, главными функциями которой становится не только реализация перманентных или периодически возникающих «проектов», но и контроль над воспроизводством всей полноты предпосылок и условий такой реализации, включая полноту человеческой жизнедеятельности. В этом смысле, «частная жизнь» может

¹² «Власть в общем и широком смысле есть господство одного над другим. Это господство может принадлежать известному существу или 1) на основании его абсолютного превосходства перед всеми другими — такова власть Божия; 2) на основании относительного преимущества, вытекающего, однако, из естественной необходимости или по закону природы — такова власть родителей над малолетними детьми; 3) на основании относительного преимущества, вытекающего из законения случайного факта — такова власть господина над купленным или взятым в плен невольником. Власть политическая или государственная, неизбежно возникающая на известной ступени развития, принадлежит второй из указанных категорий; выражая естественное право общественного целого на подчинение частей. Государственная власть, единоличная или коллективная представляет единство и целостность данной общественной группы. Следовательно, значение власти связано с тем положением, что права и интересы целого должны быть определенным образом представлены в отличие от частных прав и интересов, поскольку простая сумма сих последних еще не составляет общественного целого». — В. С. Соловьев. Власть // Энциклопедический словарь. Т. 6-а. Ф. А. Брокгауз, И. П. Эфрон. СПб., 1892.

существовать только в оппозиции к «публичной», то есть как специфический проект внутри государства (для жизни вне государства подходит определение «дикой», но не «частной»). То же самое следует сказать и о частной собственности, и о демократии.

Обратим внимание на то, что реализация любой программы, проекта и т. п. предполагает своего – вообще говоря, особенного для каждого проекта – субъекта, то есть агента (деятеля), «автономного» в той мере, какая достаточна для реализации данного проекта. «Человеческий материал» должен субъективизироваться, стать субъектом соответствующего проекта/программы.¹³ Разумеется, это касается и самого государства как «программы». Поэтому можно сказать, что *легитимная субъективация*, то есть становление, конституирование необходимого обществу (а потому так или иначе призванного и признанного им) субъекта, – важнейший момент, а нередко и проблема, общественной жизни.

Общий способ легитимной субъективации известен под именем *права* – будь то обычай (т. н. «обычное право»), закон или «верховная воля». С этой точки зрения государство выступает как такое целое, в границах которого полностью (а значит, независимо от других, «внешних» факторов) обеспечено – в том числе и *силой* – функционирование системы права¹⁴, достаточной для поддержания необходимого для существования государства спектра легитимной субъективации (например, каст, сословий, профессий и т. п.).

Не так давно связь государства и права считалась не только обоюдной (нет одного без другого), но и «неразрывной». При этом, как известно, марксистско-ленинская теория ставила на главное (определяющее) место государство (как воплощенную силу господствующего класса), а буржуазная теория «правового государства» (Rechtsstaat) – право. В действительности, нельзя сказать, что правопорядок всегда и в любом случае держится только на силе или только на праве (правосознании). Поскольку дело касается распределения не только «тягот» (долга, обязанностей, от которых не свободен никто, даже король), но и «благ», или, если смотреть с другой стороны, не только субъективных прав, но и обязанностей, то вопрос, в действительности, встает о соотношении одного с другим и о закреплении такого соотношения, то есть, прежде всего, об *этом* и *справедливости*. Ситуативно образовавшийся субъект в силу тех или иных причин «натурализуется» и начинает воспроизводить себя в качестве клана, рода («царский род», «жреческий род» и т. п.), династии и т. п. Впрочем, такие вещи никогда не происходят на пустом месте, начало этих процессов лежит довольно глубоко¹⁵.

¹³ Заметим, что все виды *профессиональной деятельности* суть как бы циклическая «бесконечная» (долговременная, на множество поколений) реализация программы *sui generis*, то есть того, что в теории деятельности принято называть «нормой», в методологии науки – «парадигмой» и т. п.

¹⁴ В самом широком – выходящем за границы чисто юридического понимания – смысле, то есть права не только кодифицированного в виде законов, но и «обычного», в которое государственные инстанции не вмешивается (тем самым дозволяя его), и которое составляет фактически часть *культуры*.

¹⁵ См. *Никитаев В. В.* К истокам власти: магический мир // Кентавр. 2002. Вып. 29; *Никитаев В. В.* Магия и власть // Полигнозис. 2002. №№ 3, 4.

Достаточно очевидным образом и форму правления, и государственное (национально-территориальное) устройство, и политический режим можно соотнести с источниками и типами субъективации. Например, знаменитое высказывание Людовика XIV «Государство — это я» выражает тот факт, что хотя при абсолютной монархии *источником субъективации власти* служит аристократия, но именно монарх, который и сам есть субъект *par excellence*, придает этой субъективации ее *государственную определенность и легитимность* (путем назначения на те или иные посты, жалованием титулов и т. п.).

Демократия отвечает тому случаю, когда единственным источником субъективации власти выступает *народ*. Однако быть источником субъективации — еще не означает быть субъектом; поэтому на самом деле «народ», подразумеваемый в определении демократии, *никогда* не совпадает со всем населением государства. Даже «всеобщее избирательное право», как известно, никогда не бывает действительно всеобщим. «Политический народ» демократии может составлять ту или иную часть населения, но вряд ли правильно фетишизировать этот показатель и видеть главное отличие демократии эпохи модерна от предшествующих ей в том, что она — «массовая». Более существенное, конститутивное различие, на наш взгляд, следует искать в разнице *типологии субъективации*, в том, по какому «закону» она осуществляется, чем детерминируется.

Городское самоуправление в Европе XII — XVII вв., если его позволительно назвать «демократией», было *корпоративным*, то есть горожанин имел «политическую» значимость только как член того или иного цеха (внутри цеха его «демократические» права определялись специальностью и другими объективными показателями), а городской совет формировался из представителей цехов¹⁶. В противоположность этому современную демократию отличает доктринальный, идеологический, вообще *произвольный* характер политической субъективации. «Произвольный» в том смысле, что основание самоопределения не дано человеку а priori — как система права, например, — а он сам к нему так или иначе *приходит* как к своему «интересу». Уже якобинцы, начав с консолидации по объективному признаку землячества («Бретонский комитет» депутатов Генеральных штатов), очень скоро перешли к объединению по «идейным» мотивам. Можно сказать, основания политической субъективации стали *виртуальными*¹⁷. Это значит, в частности, что развитие политических партий с самого начала не могло обойтись без *прессы*, этой среды всякой социальной виртуальности.

Политические *партии* — это особый способ (*тип*) субъективации, действующий в условиях распада корпоративных, сословных и иных «объективных» структур, то есть структур, укоренных в «крови и почве», традиции, культуре и тому подобных интересобъективных и слабо зависящих от индивида обстоятельст-

¹⁶ Примечательна здесь роль вопросов права. Так городские советы XI в. в Северной Италии были первоначально судебными коллегиями, в которых епископ назначал председателя; составлялись они из представителей корпораций, поскольку действовал общий принцип *parēs jurati* (каждый судится только судом равных).

¹⁷ Томас Карлейль, описывая партийный расклад в Национальном собрании, замечает: «При этом все так перепутано, все кажется таким призрачным и реальным одновременно, что “сомнительно, — говорит Мирабо, — чтобы герцог Орлеанский принадлежал к Орлеанской партии”». — *Карлейль Т.* История Французской революции. М., 1991. — С. 143.

вах его жизни¹⁸. Партия дает возможность *одновременной* субъективации и власти, и «политического народа». Если в условиях корпоративно управляемого государства или монархии субъект уже есть, уже сформирован на основе какого-то другого (неполитического) принципа субъективации и лишь «вступает по владению», то партийный тип субъективации (включающий в себя институт «всеобщих выборов») как бы одновременно и формирует политического субъекта и приводит его — через свое «представительство» — к управлению.

О том, что именно субъективация, а не политическая конкуренция или даже «представительство», служит социокультурным основанием института партии свидетельствует, на наш взгляд, история СССР как *однопартийной* системы. Коммунистическая партия Советского Союза прежде всего решала именно задачу субъективации, причем двойной. Во-первых, через нее шла *субъективация власти*, поскольку вся власть (не путать с управлением!) в стране принадлежала КПСС, партия имела и свой канал рекрутирования номенклатуры, и контролировала хозяйственный (собственно оргуправленческий) канал. Во-вторых, это была субъективация социально активного (или, если угодно, «пассионарного») населения в то, что именовалось *активом* — слой простых коммунистов, комсомольцев или даже беспартийных, которые готовы были по идейным убеждениям работать на совесть в любом месте, где «партия скажет», героически преодолевая трудности и лишения, вплоть до самопожертвования. Роль такого актива в условиях, близких к социальному равенству, с принципиальными ограничениями в плане материального стимулирования или силового принуждения, вообще известного дефицита власти¹⁹, — трудно переоценить. Грандиозные проекты индустриализации, строительства, освоения целины и т. д., реализованные в СССР, в этом отношении говорят сами за себя.

Пример политических партий «тотальной мобилизации» (а они были не только в СССР) подталкивает к тому, чтобы тезис о «представительском» характере партий пересмотреть в сторону *присутственного* характера. В самом деле, разве нет у человека, как специфического живого существа, фундаментальной, конститутивной жажды *присутствовать*, то есть «быть при сути»?²⁰ Быть там, где «делается история», где решаются судьбы миллионов, где принимаются решения, изменяющие облик планеты? Или, по меньшей мере, быть там, где решаются вопросы жизни твоего, пусть небольшого, государства, города?..

В качестве некоего «вырожденного» — а значит, позволяющего увидеть в известной чистоте — примера этой политической жажды присутствия можно привести *гладиаторские игры* в Риме, бурное развитие которых началось во времена поздней республики.²¹ Гладиаторские бои, безусловно, были не просто

¹⁸ Карлейль писал в 1837 г. о якобинском обществе, имевшем помимо парижского центра еще более 300 филиалов: «Не являются ли подобные общества началом нового общественного строя? Не есть ли это стремление к соединению — централизующее начало, которое начинает снова действовать в обветшалом, треснувшем общественном организме, распадающемся на мусор и изначальные атомы?». — *Карлейль Т.* История Французской революции. М., 1991. — С. 206.

¹⁹ Дефицит власти — понятие *относительное*, то есть зависит не только от реальной силы власти, но и от той задачи, которую она ставит.

²⁰ Здесь хочется отдать дань уважения Хайдеггеру, который в качестве фундаментальной онтологии разрабатывал именно аналитику «присутствия» (*Dasein*).

²¹ См., например, *Хёфлинг Г.* Римляне, рабы, гладиаторы: Спартак у ворот Рима. М., 1992.

азартным, жестоким и щекочущем нервы развлечением, но и ярким общественным событием, на устройстве которого лица, стремящиеся получить или удержать власть, приобретали себе популярность. Даже для римских императоров проводить игры и присутствовать на них было не прихотью, а обязанностью. Римский сатирик Ювенал писал:

«Этот народ уже давно, с той поры, как свои голоса мы не продаем, все заботы забыл, и Рим, что когда-то все давал: легионы, и власть, и ликторов связки, сдержан теперь и о двух лишь вещах суетливо мечтает: *Хлеба и зрелищ!*».

Таким образом, присутствие на гладиаторских играх стало для отстраненного от политики римского плебса своеобразной сублимацией недоступного. Здесь плебс ощущал свое единство с императором, свою близость пусть и к не сути управления Империей, но к сути жизни и смерти, участвовал в принятии решения о том, кому жить, а кому умереть. И так ли уж далеки от них мы, падкие на телевизионную «прямую связь» с Президентом, на «прямое» телеголосование и т. п.?²²

Из вышесказанного следует вывод, что *кризис партийной системы* — это кризис предлагаемого партиями типа политической субъективации. Он может быть вызван не только тем, что партии перестают представлять интересы избирателей — потому ли, что партии обюрократились, потому ли, что интересы изменились, — но и другими причинами: тем, что властный субъект перестает испытывать необходимость в таком типе субъективации, предпочитая ему другой (неполитический); тем, что население перестает видеть «суть вещей» в управлении делами государства; наконец, тем, что появляются иные, непартийные формы удовлетворения «жажды присутствия» и другие типы субъективации.

Вернемся к исходному вопросу данного раздела о соотношении государства и партийности. Одно-, двух- или многопартийная система возникает в государстве тогда, когда разрушается или перестает справляться с «вызовами времени» традиционная (корпоративная в своей основе) система государственной субъективации, включая субъективацию государственной власти на основе самовоспроизводящегося субъекта.

Партийная система несет в себе немало сложностей и недостатков, но есть одна проблема, особенно актуальная для нас. В современных условиях стало возможным и реальным образование таких политических субъектов, которые самоопределяются не в рамках своего государства, но иным образом — например, в рамках «глобального мира» или Нового мирового порядка; в случае прихода таких субъектов к государственной власти ей грозит если не самоликвидация, то радикальная утрата суверенитета.

Демократия либеральная и демократия консервативная

Оппозиция консерватизма и либерализма стала сегодня настолько запутанной, что, например, неоконсерваторы вполне могут на деле оказаться защитниками «палеолиберального» проекта.²² Тут, вообще говоря, нет ничего особенно

²² См., например, *Грей Д.* Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М., 2003, глава «Падение консерватизма».

удивительного, потому что «консерватизм» — это функциональное понятие из одного ряда, а «либерализм» — из другого. Традиционно *консерватизму* как «сохранению» и «охранению» противостоит *новаторство*, как «разрушение старого» и «обновление». *Либерализм* противопоставляет себя «тоталитаризму», то есть доминированию того или иного целого (государства, церкви, общественной морали и т. д.) над индивидом. Соответственно, в той мере, в какой консерватизм стоит за сохранение существующего порядка, в котором либерализм распознает некий «тоталитаризм», видит ту или иную форму «подавления личности», либерализм и консерватизм оказываются в оппозиции друг другу. Именно потому, что, как мы писали выше, без той или иной целостности («единства многого») нет власти, либерализм, ратуя за освобождение от власти, выступает против концепции самостоятельного существования надындивидуальных сущностей вроде общества, государства и т. п. Классический либерализм приемлет общество только как мирное сосуществование находящихся в отношениях взаимовыгодного обмена индивидов, а государство готов терпеть в качестве «ночного сторожа» или слуги такого общества.

Консерватизм опирается на *традицию* и полагает, что традиционно существующие человеческие общности (общества) имеют самостоятельное бытие, свои основания рациональности и первичны по отношению к индивиду данного общества. Либерализм исходит из концепции, согласно которой индивиды предшествуют обществу, являются носителями «естественных прав», они рациональны и движимы стремлением к личной пользе; авторитет же и традиция, ограничивающие таких индивидов своими рамками, суть предрассудки и пережитки, которые должны быть преодолены и отброшены. В таком преодолении либерализм видит суть *прогресса*, а либерал, соответственно, числит себя «прогрессистом» (или даже «прогрессором», в духе научной фантастики братьев Стругацких). Таким образом, еще одна линия противопоставления консерватизма и либерализма — это оппозиция *традиции* и *прогресса*. В действительности, не видно, почему бы либерализация, то есть освобождение индивида из-под власти социальных институтов, *eo ipso* была «прогрессом», оправдывающим разрушение этих самых институтов. В то же время, консерватизм отнюдь не требует сохранения традиции неизменной не смотря ни что, он лишь стремится ввести эти изменения в рамки «естественного развития» самой традиции.²³

По поводу государственно-политических воззрений либерализма приходится согласиться с Карлом Шмиттом:

«Систематическая теория либерализма касается почти исключительно только внутривнутриполитической борьбы против государственной власти и дает ряд методов сдерживания и контроля этой власти для защиты индивидуальной свободы и частной собственности, для того, чтобы сделать государство «компромиссом», а государственные учреждения — «клапаном», а в остальном «уравновешивать» монархию демократией, демократию — монархией...».²⁴

²³ Этим консерватор отличается от *фундаменталиста*, который ориентирован противоположным образом, то есть требует восстановить некую исходную, праизначальную (а потому давно утраченную) форму традиции.

²⁴ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. — С. 63.

Огрубляя, можно сказать, что классическому либерализму все равно, какая власть, лишь бы она была *ограниченной*, то есть не вмешивалась бы в рыночную экономику и оставляла бы индивиду его «естественные права», прежде всего — право частной собственности. Отсюда — либеральный принцип ограничения власти «демократического большинства» правами меньшинства, принцип разграничения и автономности политики и экономики, государства и «гражданского общества», разделения властей и т. п.

Бенжамену Констану принадлежит блестящее по своей отточенности противопоставление *свободы либеральной* и *свободы демократической*, с вытекающим отсюда выводом:

«Целью древних было разделение общественной власти между всеми гражданами страны. Это-то они и называли свободой. Цель наших современников — безопасность частной сферы; и они называют свободой гарантии, создаваемые общественными институтами в этих целях.

<...>

Личная независимость есть первейшая из современных потребностей. Значит, никогда не надо требовать от нее жертвы ради установления политической свободы.

Из этого следует, что ни один из многих и слишком прославленных институтов, которые в древних республиках ограничивали личную свободу, не приемлем в современности»²⁵.

Как же тогда возможна *либеральная демократия*?

Существует мнение, что демократия вообще устанавливается в результате освобождения народа — вроде того, что народ свергает тиранию (деспотизм), чтобы учредить демократию. Это, вообще говоря, не совсем верно. Если смотреть на Древнюю Грецию, то там народ, сбрасывая ненавистную ему власть аристократии или олигархии, нередко впадал в крайность и учреждал скорее не демократию в более или менее привычном нам смысле, а *тиранию*, то есть предводитель народа (демагог) приобретал неограниченную власть. Реформе Солона, заложившего основы *афинской демократии*, предшествовал период смут и гражданской войны; в преддверии новой смуты враждовавшие стороны (олигархи и демократы) предложили Солону стать тираном и разрешить конфликт, причем каждая ожидала, что он сделает это в ее интересах. Солон быть тираном отказался, выше всего поставил *закон*, а в качестве реформы предложил *компромисс*, то есть взаимное ограничение притязаний сторон. Примерно так же, то есть как механизм компромисса между сторонами — в условиях, когда консенсус между ними в принципе невозможен, — возникла и континентальная либеральная демократия.²⁶ В Великобритании и США развитие демократии также шло путем компромиссов, хотя и несколько иного рода. Обратим теперь внимание на то, что компромисс по своему понятию есть *добровольное ограничение своей свободы* (своих прав) — или, по меньшей мере, своих претензий на величину этой свободы, — частичного отказа от нее в пользу другой стороны, которая делает то же самое. То есть демократия скорее резуль-

²⁵ Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. 1993. № 2.

²⁶ См., например, Анкерсмит Ф. Р. Репрезентативная демократия // Логос. № 2 (42), 2004.

тат добровольного ограничения (негативной) свободы от всяких «внешних ограничений», чем ее приобретения.

Примерно таким же *компромиссом* — компромиссом между либерализмом и демократией — является *либеральная демократия* как таковая.

В общем можно сказать, что в случае развитых стран либерализм и демократия идут на примерно сбалансированные уступки: либерализм соглашается на то, чтобы ограничить независимость индивида и уделить часть своего драгоценного *time is money* на участие в политической жизни, а демократия принимает правила игры репрезентативного парламентаризма и признает права меньшинства и личности. Однако практика *демократизации*, которую Запад распространяет по всему миру, начиная с середины прошлого века, вынуждает демократию еще и на компромисс иного рода. Демократизация опирается на схему: «свободная (рыночная) экономика» и конституирование «либеральной демократии» в новом государстве на основе компромисса разных политических сил. «Свободная экономика» гарантирует, что экономически новое государство будет в зависимости от лидеров глобальной экономики, то есть от Запада. Либеральная демократия, то есть наличие «плюрализма», тоже так или иначе обеспечивает влияние Запада на государственное управление, поскольку в новом государстве обязательно появляются группы *либералов*, ориентированные на Запад (хотя бы потому, что они связаны с экономикой, зависящей от него), и именно их политическим весом, как показывает практика, Запад измеряет степень «демократичности» нового режима. Это означает, что сфера компромисса между демократией и либерализмом заходит в данном случае в сферу уступок национальных интересов и даже государственного суверенитета. В любом случае такая плюралистическая демократия блокирует возможности «тотальной мобилизации» государства и выхода за границы отведенного ему в Новом мировом порядке места.

Разумеется, длительное существование национальных либерально-демократических государств и влияние на них социалистических идей (и практики социализма) внесло в идеологию либерализма известные изменения. В частности, признается, что государство может быть не только «ночным сторожем», но и «арбитром», ответственным за соблюдение всеми «игроками» законов и правил и не допускающим монополизма, государству дозволяется быть «социальным», то есть заниматься обеспечением достойных условий жизни всем гражданам. Признается взаимное влияние политики и экономики (а значит, возможность ограниченного вмешательства государственной власти в экономику), но приоритет отдается концепциям и политике обратного влияния экономики на политику. В частности, утверждается, что экономический рост в условиях политического плюрализма самым существенным образом способствует демократизации страны²⁷. Современный либерализм различает себя от классического, как «плюралистический» — от «индивидуалистическо-

²⁷ Впрочем, те, кто в 50-х годах XX в. выдвигал гипотезу буквально-таки об однозначной линейной зависимости демократизации от экономического роста, сорок лет спустя вынуждены были признать, что история не дала им достаточных оснований в подтверждение этой гипотезы. См., например, *Линсет С. М. и др.* Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // *Международный журнал социальных наук.* 1993. № 3.

го». Однако и здесь, при переходе от индивида на уровень групп, поскольку ресурсы распределены в обществе неравномерно, то в той мере, в какой политическая субъективация зависит от этих ресурсов, возникают разные искажения демократии, вплоть до того, что «правят денежные мешки».

Впрочем, либеральная демократия критиковалась много и с разных сторон. Мы лишь заметим, что подобно тому, как всякий реальный политический компромисс есть вещь временная, так и либеральной демократии нет оснований рассчитывать на «конец истории» и утверждения себя на веки вечные.

Какова возможная альтернатива либеральной демократии на демократическом же поле?

Бытует мнение, что такой альтернативы нет; вернее, та, которая есть, а именно — «крайняя демократия» Аристотеля, она же т. н. «коллективистская демократия», возводимая к концепции «народного суверенитета» Жан-Жака Руссо, примеры которой дают якобинская диктатура, а также *mutatis mutandis* большевизм и фашизм, неприемлема.

В чем, однако, главная ошибка теории «крайней демократии»? Согласно Аристотелю, в том, что

«... простой народ, являясь монархом, стремится и управлять по монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает... тиранию...» (*Политика* 1292a).

Но если учесть и более поздние, неизвестные Аристотелю, случаи «крайней демократии», то общая для нее концептуальная ошибка оказывается в том, что народ (нация) как некое целое наделяется *волей, интересом* и т. п. *характеристиками субъекта*. Поэтому наличие в нем каких-то групп с разными интересами объявляется патологией, а тоталитаризм (на уровне государственной тотальности) выступает как идеал. В действительности, ни нация, ни общество не есть субъект — она есть *источник субъективаций*, которые могут быть различными и оппонирующими друг другу. Целостность нации (государства, общества) проистекает не из единства воли или интереса, но из онтологической необходимости воспроизводства человеческой (это не значит: индивидуальной) жизни. Единство воли или национального интереса есть возможное или даже, в силу тех или иных причин, необходимое *в определенной ситуации* следствие такой исторически образовавшейся целостности, а не наоборот. И возникает эта национальная воля (или идея) как результат определенной *субъективации* народа или общества — определенной как ситуацией («вызовом»), так и социокультурными и иными основаниями существования данной целостности. Тем не менее, это не значит, что, как утверждал Муссолини, «государство создает нацию»²⁸, это означает, что государственная власть *субъективируется* (то есть получает реальность) в исторически определенных

²⁸ «Нация не есть раса, или определенная географическая местность, но делящаяся в истории группа, т. е. множество, объединенное одной идеей, каковая есть воля к существованию и господству, т. е. самосознание, следовательно, и личность. Эта высшая личность есть нация, поскольку она является государством. Не нация создает государство, как это провозглашает старое натуралистическое понимание, легшее в основу национальных государств 19-го века. Наоборот, государство создает нацию, давая волю, а следовательно, эффективное существ-

условиях, на определенном основании (народ) и определенным способом (типология субъективации).

Вообще, и либерализм, и фашизм имеют общую принципиальную черту, а именно: *произвольность* в определении «политической воли». Только в либерализме эта произвольность заложена на начальной стадии субъективации власти («интересы индивидов», «группы интересов» и т.п.), а в фашизме, поскольку постулируется монолитность нации, — на последней, в форме воли вождя (дуче, фюрера).

Отсюда следует, что политическая *произвольность* должна быть ограничена определенными рамками. Причем рамки юридического закона, на который так уповали древние греки, борясь с крайностями демократии, здесь недостаточны или даже просто невозможны. Нельзя же, в самом деле, заставить людей законом быть патриотами.²⁹ Требуются рамки, укорененные в культуре, в традиции, в исторической преемственности, то есть как раз такие, о которых радеет *консерватизм*.

Проблема консервативной демократии — это проблема *индивидуального субъекта*, которого не следует смешивать с индивидом, точно так же как автономию не следует путать с независимостью.³⁰ Субъекта, который определяет свою волю (направленную прежде всего на самого себя) таким «законом», который мог бы быть принят в качестве «всеобщего». В случае консервативной демократии это означает, что он самоопределяется в рамках *реального* — а значит, исторически и политически существующего — «всеобщего» (то есть такого общего, над которым другого уже нет), каковым служит (по меньшей мере, пока) государство. Это, кстати, отвечает не только категорическому императиву Канта, но и мнению Аристотеля о наилучшем государственном устройстве:

«Гражданином в общем смысле является тот, кто причастен и к властвованию, и к подчинению; при каждом виде государственного устройства сущность гражданства меняется. При наилучшем виде государственного устройства гражданином оказывается тот, кто способен и желает подчиняться и властвовать, имея в виду жизнь, согласную с требованиями добродетели» (*Политика 1284a*).

Следовательно, он — как субъект — не может иметь интересов, противоречащих сохранению государства и тех институтов и оснований, на которые оно опирается (таковы, в частности, общественная мораль и справедливость)³¹, то есть он априори, еще до вступления в политическую конкуренцию, должен привести свои интересы в соответствие с *общими рамками*. Следует подчеркнуть, что здесь нет характерной для «делиберативной» либеральной демократии (либеральной «демократии обсуждения») замены политического на этическое³² — напротив, *политическое* здесь сохраняется, включая его радикальную,

вание народу, сознающему собственное моральное единство». — *Муссолини Б.* Доктрина фашизма. Париж, 1938.

²⁹ Хотя даже у такого либерала, как Б. Констан, патриотизм и нация фигурируют в качестве своего рода рамок, общего основания для компромисса между либерализмом и демократией.

³⁰ См. *Никитаев В. В.* Новый гуманизм: субъект против индивида // Логос. 2003. № 3.

³¹ Об этом, кстати, прямо сказано в преамбуле к Конституции Российской Федерации.

³² См. *Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // Логос. Наст. номер.

шмиттовскую трактовку. А именно, в политической игре / борьбе участвуют (допускаются) только *свои*, то есть те, кто самоопределяется как «свой» относительно того целого, к (участию во) власти над которым он стремится, как тот, кто принимает судьбу этого государства и народа в качестве *своей собственной судьбы*.

К ситуации в России

Сложившаяся в России олигархически-демократическая форма правления, с негативной демократией и негативной же (компрадорской) олигархией, не может быть устойчивой. Это не теория — это наша реальность; и не случайно главная задача, которую ставили перед собой власть предержащие в конце «эпохи Ельцина», заключалась в *стабилизации режима*.

Новое руководство государства, сохранив курс на продолжение «либеральных реформ», то есть на приватизацию государственной собственности и защиту экономических свобод, повело наступление на оба крыла: и против самых одиозных олигархов, и против крайностей демократии. Причем это именно *административное наступление*, а не, скажем, преобразование негативной демократии в позитивную, в конструктивное участие народа в государственном управлении. Главные шаги, сделанные до сих пор против негативной демократии, таковы: «реформа Совета Федерации», то есть замена прямого представительства демократически избранных глав субъектов Федерации на «косвенное»; создание федеральных округов и назначение в них представителей Президента (шаг, близкий по смыслу и духу решению Петра I учредить прокуратуру); и, наконец, обеспечение победы «партии начальства» на выборах в Государственную думу, то есть ресубъективация административного субъекта в качестве доминирующего политического. Получившая на декабрьских выборах конституционное большинство «Единая Россия» тут же поспешила объявить, что «прекратит политическую болтовню» в Государственной Думе и наладит там, наконец, «конструктивную законотворческую деятельность». Таким образом, Федеральное Собрание из органа демократии представительства и участия превратилась в административно-бюрократическую машину по изготовлению документов.

Если ориентироваться на рейтинг Президента В. В. Путина, «общую атмосферу» и результаты выборов, то известный успех в деле стабилизации налицо. Однако, что касается укрепления основ государства — тут достижения не только не выглядят необратимыми, но даже достаточно убедительными. Путин удалил от кремлевских кабинетов наиболее одиозных олигархов, но что мешает следующему Президенту впустить обратно в кремлевские коридоры и предоставить возможность контроля над решениями правительства другим (или даже тем же самым) олигархам? Федеральные представительства в регионах, обросши бюрократическими аппаратами, в политическом плане оказались в подвешенном состоянии. По сути, они вынуждены «находить общий язык» с теми самыми «региональными баронами», для противодействия которым создавались.

Искушение толковать происходящее как *процесс усиления власти* — если не государственной в целом, то президентской — довольно сильно. Правда, ряд исследователей называет это иначе: «бюрократический реванш», «под-

чинение» политики органам власти посредством постановки политического пространства под административный контроль. То есть, по сути, уничтожение политики как таковой. Предположим (это уже не так далеко от истины), что в результате этого в России появится административный «моносубъект». Будет ли он владеть *полнотой власти*? Если думать, что дефицит власти порожден политикой, вызван тем, что на участие во власти претендуют многие субъекты, то ответ, естественно, будет «да». Но думать так — ошибка. Концентрация *формальной* власти в условиях дефицита власти *реальной* не означает усиления власти в смысле повышения управляемости.

Уточним постановку вопроса посредством введения следующей простой схемы. Именно, спрашивая о государственном управлении, будем различать руководство в смысле *администривирования* — и *управление* в целом (где администривирование составляет лишь один из моментов).³³ Административный контур в идеале должен быть устроен технологически, и точно воспроизводить заложенную в него технологию, вне зависимости от того, какой субъект власти его использует и какие цели (в пределах допуска данной технологии) ставит. Цели, контроль применения административного инструмента, его перестройка и т. п. — все это определяется во втором, внешнем к административному, контуре. Поскольку речь идет об управлении государством как определенной целостностью (страной), то, будет ли это управление осуществляться на принципах «единоначалия» или «коллегиально» с другими субъектами власти, этот второй контур должен так или иначе — как минимум, рефлексивно — охватывать вообще *все общественно-значимые процессы* в стране.

Главный вопрос «второго контура» заключается в том, какие государственные субъекты нужны стране на данном отрезке ее истории. Соответственно, второй контур выступает в качестве пространства политики, здесь и только здесь допустима оппозиция и полемика.³⁴ *Оппозиция* действующему субъекту власти теоретически возможна в двух случаях: если есть альтернативный источник субъективации (разные «слои» или «регионы» населения, разные «группы интересов»), который может использовать ту же самую процедуру для формирования своего политического *представителя*; либо источник один и тот же, но существуют другие типы субъективации, обеспечивающие иные варианты *участия*. Во втором случае акцент делается не на репрезентации, поскольку одни и те же люди могут голосовать за разные политические «представительства» (партии), а на политическом участии в разных формах властной деятельности. Понятно, что указанные условия необходимы, но не достаточны в силу своей формальности. Проблема оппозиции в этих условиях заключается в наличии реальных *содержательных альтернатив курсу*, проводимому правящим субъектом. Но это проблема скорее, или даже исключительно, интеллектуальная, а не политическая.

Соответственно, *оппозиция невозможна* в следующих случаях: либо нет альтернативных источников субъективации, либо они цензурируются существ-

³³ См., например, *Щедровицкий Г. П.* Методология и философия оргуправленческой деятельности: основные понятия и принципы (курс лекций). М., 2003.

³⁴ Опыт древних афинян, пытавшихся демократически решать вопросы ведения военных действий, был столь печален, что привел даже к временному отказу от демократии.

вующей процедурой, либо отсутствует множественность форм властной деятельности с открытым механизмом формирования (самовоспроизводящийся субъект власти). Первый случай отсутствия оппозиции — сугубо ситуативный: сегодня активно недовольных нет, а завтра они есть. Поэтому важно сохранить демократическую процедуру, позволяющую формировать другого политического субъекта по этому основанию (то есть, как минимум, проводить максимально честно выборы из разных кандидатур, сколь бы одна из них не превосходила остальных по своей популярности), — если мы, конечно, хотим, чтобы «переход власти» всегда происходил мирным путем. Второй — очевидно, постоянного действия, но он, с одной стороны, может быть изменен достаточно просто законодательным путем (если к тому будут предпосылки), а с другой — когда, например, идет давление на формально свободные СМИ — решается иными путями, но уже в рамках действующей системы права. Третий случай, пожалуй, самый сложный, потому что он предполагает трансформацию всей системы государственной власти. Во всех этих случаях вопрос существования оппозиции — вопрос *политический*.

Возможность и оправданность *моносубъекта власти* лежит, очевидно, в горизонте третьего случая невозможности оппозиции. Моносубъектность власти, прежде всего, обеспечивается единственностью и известного рода монолитностью источника субъективации, а также тем, насколько удачно субъекту власти удастся совмещать в себе выполнение всех необходимых в данных исторических условиях властных функций. Исторические прецеденты такого моносубъекта хорошо известны: монархия, авторитаризм и тоталитарная («крайняя», «коллективистская») демократия.

Монархия опиралась на уходящую в глубь веков традицию и имела значимую для подавляющего большинства населения религиозную легитимность («Божественную санкцию»). Опора на традиции устойчива до тех пор, пока, во-первых, существует ее непосредственная, из рук в руки, передача (собственно, *trado* означает на латыни «передать»); во-вторых, когда люди придерживаются *регрессивной* модели времени, предполагающей, что мир движется от идеально правильного состояния к полнейшему упадку и разрушению. При иных условиях сама традиция стоит под вопросом. Практически все монархии «ломались» в те исторические эпохи, когда шло бурное общественное *развитие*. Такое развитие, с одной стороны, вызывало расслоение единого источника субъективации власти или появление иных источников («третье сословие», например), а с другой — требовало институциональных инноваций, на которые монархическая власть, укорененная в традиции, оказывалась, как правило, не способна. Вернее, требуемые институциональные инновации просто не укладывались в рамки «моносубъекта» и, в лучшем случае, позволяли монархии сохраниться в сильно урезанном, совсем не моносубъектном виде.

Тоталитарная демократия держится на известного рода монолитности «политического народа», нередко достигаемой за счет лишения нелояльных граждан их политических прав; другой стороной этой монолитности выступает почти безграничная преданность народа своему вождю (служащая своего рода субститутотом авторитета традиции и божественной санкции монархии). Однако тоталитарные демократии в известном смысле «функциональны», то есть они образуются под определенные чаяния народа, национальную

идею и т. п., а потому связь вождя и масс (или неограниченное доверие и поддержка всенародно избранному главе государства), как необходимое условие тоталитарной демократии, зависит от того, в какой мере власти удастся им соответствовать.

Условно можно разделить эти чаяния и идеи, способные стать основой консенсуса тоталитарной демократии, на две группы: чаяния *стабилизации* и идеи *профыва*.

Чаяния *стабилизации* обычно удовлетворяются в той мере, в какой удастся «сблизить крайности», то есть устранить самые кричащие диссонансы, привести общество к единству и гражданскому согласию, — что удастся тем лучше, чем более *справедливым* становится положение дел в государстве. Обычно всех вполне устраивает т. н. «дистрибутивная справедливость»: когда каждый уверен в том, что при существующей системе распределения он, находясь в данной системе, в любом случае получает больше, чем если бы система была другая.³⁵ Но практически обязательно уровень благосостояния всех должен в краткий срок стать достаточно высоким (потому тоталитарные демократии обычно агрессивны и пытаются быстро поправить свое материальное положение за счет соседей). Если же уровень благосостояния недостаточно высок, то при наличии альтернативных парадигм справедливости меньшинство либо трансформирует свою парадигму, находит некое «объяснение», в какой форме и почему следует принять этот, строго говоря, несправедливый строй (например, убедить себя, что «Богу — богово, кесарю — кесарево»), либо подвергается радикальным репрессиям со стороны большинства, вплоть до изгнания, изоляции, уничтожения.

В общем, хотя политика стабилизации и обеспечила Президенту В. В. Путину беспрецедентную в истории новой России поддержку, путь стабилизационной тоталитарной демократии не выглядит достаточно надежным. Хотя бы потому, что крайне низок уровень жизни именно у подавляющего большинства населения и в нынешней социально-экономической ситуации нет возможностей изменить это положение, сохраняя «стабильность». Собственно, паллиативная стабилизация, достигнутая преимущественно посредством контрр дифференциальной политики В. В. Путина, уже практически исчерпала себя и задача немедленной государственной модернизации (развития, резкого экономического роста) поставлена на повестку дня самим Президентом.

Идеи *профыва* требуют «тотальной мобилизации». Однажды Советский Союз ее произвел и добился общепризнанно гигантских успехов в модернизации. Однако возможна ли «тотальная мобилизация» вне пределов *эпохи модерна* с ее массовой жадной господства идеального над реальным? И разве не ушла эта эпоха в безвозвратное прошлое?.. Впрочем, можно спросить и так: пригоден ли в современных условиях тот способ, которым СССР осуществил индустриализацию, для совершения нового шага развития? На этот вопрос ответ дала горбачевская Перестройка: *нет*. Не удалось тому «моносубъекту», который полвека ранее произвел индустриализацию, вывести страну из «застоя», вообще вписаться в новую эпоху. Именно потому, что ему

³⁵ См. Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994.

это не удалось, он и развалился вначале сам, а за ним — и весь Союз, и советский строй.

Авторитаризм, который действительно осуществляет «экономическое чудо» в своей стране и тем способен хотя бы отчасти оправдать репрессии, обычно опирается на мощную, консолидированную, национально (государственно) ориентированную *эли́ту*, с развитым корпоративным самосознанием и этикой долга (чести), элиту, которая традиционно полностью контролирует все силовые структуры государства. Такие элиты можно (было) найти в латиноамериканских странах, но только не в современной России.

В общем, приходится признать, что у *России реально нет альтернативы демократической форме правления.*

Однако «либеральная демократия», возникшая в России, представляет (представляла) собой не компромисс нормального, вменяемого и умеренного либерализма и нормальной же демократии, но какой-то архаический, дикий либерализм, который, выдавая себя за «лучшего друга» демократии, экспроприировал демократическую форму правления и использовал ее, чтобы запустить процесс создания «грабительского капитализма». В итоге сложилась ситуация, когда компромисс нормальной демократии с таким либерализмом в России стал невозможен.

Да он, собственно, и не нужен. Пространство демократических форм не исчерпывается либеральной и тоталитарной демократиями. На повестке дня — *консервативная демократия.*